

Иоганн Шапуто

СВОБОДА ПОВИНОВЕНИЯ

Менеджмент от нацизма до наших дней

*«Это не управление, а овеществление человека: его превращение
в ресурс, инструмент и объект массовой эксплуатации
и уничтожения....» Иоганн Шапуто*

18 +

Иоганн Шапуто

**Свобода повиновения.
Менеджмент от
нацизма до наших дней**

«Питер (Айлиб)»

2020

УДК 94(430):005
ББК 63.3(4Гем)+65.010.066

Шапуто И.

Свобода повиновения. Менеджмент от нацизма до наших дней /
И. Шапуто — «Питер (Айлиб)», 2020

ISBN 978-5-4461-2407-7

После падения Третьего рейха Рейнхард Хон, в прошлом оберфюрер СС, стал создателем крупнейшей школы менеджмента в послевоенной Германии. Его институт в Бад-Гарцбурге десятилетиями формировал управленческую элиту ФРГ — на тех же принципах, что когда-то стояли в основе организации СС. Эта книга раскрывает, как нацистская модель управления, основанная на строгой иерархии и дисциплине, стала частью ДНК современного менеджмента.

УДК 94(430):005
ББК 63.3(4Гем)+65.010.066

ISBN 978-5-4461-2407-7

© Шапуто И., 2020
© Питер (Айлиб), 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Концепция администрации великого рейха	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Иоганн Шапуто
Свобода повиновения
Менеджмент от нацизма до наших дней

© ООО Издательство "Питер", 2026

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Пролог

Посвящается Ортанс ШапUTO, ведь, словно радуга, она озаряет мир всеми красками.

Они кажутся нам решительно чуждыми – и странным образом близкими, почти современниками. «Они» – это нацистские преступники, за жизнью и деяниями которых наблюдает историк, специалист по определенному периоду. Читает написанное ими, реконструирует их душевный мир и биографию.

Решительно чужды нам их идеи и жизненный опыт. Мы не солдафоны, не «псы войны», как Дирлевангер¹ или Крюгер² – «старые бойцы»³ в военном смысле этих слов, ставшие настоящими профессионалами в деле истребления и террора. Мы не приверженцы насилия и тотального контроля, не «профессора убийства», как Гейдрих⁴ или Гиммлер. Их жестокость, фанатизм – и одновременно заурядность – делают их столь же далекими от нас, как и черно-белая пленка дошедших до нас изображений или покрой их формы.

То же можно сказать и о Герберте Бакке⁵. Бакке – человек из другого времени и другой реальности, чья необычная биография и жизнь, которой мы не знаем и даже не можем себе представить, делают его образ далеким и размытым. Он родился в 1896 году в Российской империи, потому что у его отца, предпринимателя, там был бизнес. Ходил в Тифлисскую гимназию – в столице Грузии, где жил и молодой Сталин. С 1914 по 1918 год находился в лагере из-за своего немецкого происхождения, затем оказался в Германии, где получил высшее образование по специальности, связанной с сельским хозяйством. Самопровозглашенный специалист по России, которую, по его мнению, он хорошо знал, Бакке стал убежденным расистом, не сомневающимся в биологическом и культурном превосходстве немцев, чье призвание в его глазах состояло в господстве над обширными плодородными территориями Восточной Европы. Член нацистской партии, управляющий сельскохозяйственным предприятием, он построил политическую карьеру. Еще будучи руководителем среднего звена, депутатом ландтага Пруссии, он уделял внимание теоретическим изысканиям. В брошюре, опубликованной им в 1931 году под названием «*Немецкий крестьянин, проснись!*», он призывает к колонизации востока Европы, проповедуя презрение к ее народам, считая их в лучшем случае «вспомогательной силой», обеспечивающей процветание Германии.

За круглыми очками и тонкими чертами лица Бакке скрывался жестокий радикал. Это понравилось Гиммлеру – рейхсфюреру СС – и его специалисту – рейхсминистру продовольствия Рихарду Дарре, с которым Бакке вначале взаимодействовал как статс-секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства, а затем, в 1942 году, сменил его на посту министра. Между тем с 1936 года Бакке был экспертом по аграрным вопросам Управления четырехлетнего плана, возглавляемого Германом Герингом, которому он в 1941-м предложил политику систематического лишения продовольствия восточных территорий, подлежащих завоеванию и колонизации. Создатель «Плана голода», предполагавшего снабжение рейха про-

¹ Christian Ingrao, *Les Chasseurs noirs. La Brigade Dirlewanger*, Paris, Perrin, 2006, 220 p.

² Nicolas Patin, *Krüger, un bourreau ordinaire*, Paris, Fayard, 2017, 300 p.

³ «Старыми бойцами» (Alter Kämpfer) называли старейших членов НДСАП, вступивших в партию до выборов в рейхстаг в сентябре 1930 года. – *Примеч. пер.*

⁴ Robert Gerwarth, *Hitler's Hangman. The Life of Heydrich*, New Haven, Yale University Press, 2011, 336 p.

⁵ Joachim Lehmann, «Herbert Backe, Technokrat und Agrarideologe», in Ronald Smelser, Enrico Syring et Rainer Zitelmann (dir.), *Die braune Elite II. 21 weitere biographische Skizzen*, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993, p. 1–12. Herbert Backe, *Deutscher Bauer, erwache! Die Agrarkrise, ihre Ursachen und Folgerungen*, Munich, Boepple, Nationalsozialistische Agrarfragen, 1931, 31 p.

довольствием за счет отъема пищевых ресурсов у советских народов, Герберт Бакке хладнокровно допускал (и даже полагал желательной) гибель в среднесрочной перспективе 30 миллионов человек. Нацист до мозга костей, в нюрнбергской тюрьме он все еще верил словам ободрения и одобрения, которые ранее адресовал ему Гитлер. Рейхсминистр, эсэсовский генерал, руководитель плана по снабжению Германии продовольствием за счет ресурсов востока, Бакке сделал в Третьем рейхе блестящую карьеру и не мог смириться с его падением. Он покончил с собой в тюремной камере в 1947 году, ровно через сорок лет после того, как свел счеты с жизнью его отец.

Подобный жизненный путь, подобные идеи, подобный склад личности чужды нам абсолютно. Даже историк, которому хорошо знакомы эти люди и написанные ими тексты, пытаясь понять, как человеческие существа могут дойти до того, чтобы высказывать подобные мысли и совершать такие поступки, оторвавшись от архивных документов, сняв очки и немного дистанцировавшись от предмета своих исследований, с трудом подавляет приступ тошноты и ужаса, которые вызывают у него слова и портреты этого маленького сухопарого человека – непоколебимого сторонника своей идеологии, специалиста, внимательного к деталям.

Изучение жизни и мира этих людей приводит нас на чуждые, далекие земли, страдающие под гнетом грубой силы, и в эпоху, которой, как часто думают, был положен конец в 1945 году.

Но кое-что в их писаниях предстает вполне современным. Иногда при чтении встречаешь слово или фразу, которые воскрешают прошлое в настоящем. У меня возникало такое чувство несколько лет назад, когда я читал и комментировал один из самых жестоких в своей пронзительной краткости текстов Бакке. Подготавливая завоевание и колонизацию востока, как раз перед нападением на СССР, статс-секретарь Министерства продовольствия и сельского хозяйства рейха составил памятку из двенадцати пунктов на трех страницах – свод инструкций для немецких чиновников из Управления по четырехлетнему плану и из его министерства, отправляющихся служить на Восток⁶. Как мы уже говорили выше, в этом тексте Бакке есть экзотичные для нас черты: его расистское отношение к русским – «диалектикам», лгунам, фанатикам, отсталым; его восхищение немецким «человеком-господином» (*Herrenmensch*) в сопоставлении с советским «низшим человеком» (*Untermensch*), его колониальная грубость, наводящая на мысли о насилии и концлагере. Но есть в этой записке и кое-что хорошо нам знакомое, что мы, кажется, слышали или читали где-то еще, в других контекстах. Герберт Бакке требует от своих подчиненных «эффективности»: «Самое важное – это действовать», «принимать решения быстро», «без бюрократических проволочек» (*keine Aktenwirtschaft*). «Не говорите, действуйте» без «жалоб и сетований вышестоящим (*nach oben*)». Вышестоящие ставят «цель» (*Endziel*), которой исполнители должны достичь достаточно быстро, не теряя времени, не запрашивая дополнительных ресурсов, не жалуясь и не отступая перед трудностями. Важно, чтобы цель была достигнута, но не слишком важно – как. Бакке рекомендует проявлять «максимальную гибкость в выборе средств». Эти «средства каждый выбирает по своему усмотрению». В военном деле такой подход к работе с XIX века имеет название *Auftragstaktik*, то есть «тактика поручения миссии», «тактика постановки целей». Офицеру ставят задачу, а он должен выполнить ее так, как хочет и может, лишь бы цель была достигнута.

«Гибкость» (можно сказать и «адаптивность», и «инициативность», и своего рода «эджайл-администрирование»), «эффективность», «цель», «миссия» – и вот мы уже на знакомой почве. Мастодонт Бакке – древнее, далекое от нас чудовище в форме СС – встраивается в наше время и в нашу реальность, употребляя свойственные им слова, оперируя их категориями, мысля и живя их понятиями. Он видит себя «эффективным человеком» (*Leistungsmensch*) и ведет себя соответственно, сожалея, что его «опекун» и руководитель Дарре, слишком мяг-

⁶ Herbert Backe, «12 Gebote für das Verhalten der Deutschen im Osten und die Behandlung der Russen», 3 p., 1er juin 1941.

котелый на его взгляд, оказался «неудачником» (*Versager*), что вполне можно было бы перевести и как «лузер»⁷.

Бакке убежден, что жизнь – борьба, где имеют значение только добрая воля и эффективность. Это «игра с нулевой суммой», где «проигравшие» платят большую цену за свои несовершенства и неудачи. Как и все его товарищи по партии, Бакке был социал-дарвинистом, и мир представлялся ему ареной для боев. Так как количество ресурсов ограничено, отдельные индивиды и (с его точки зрения, при взгляде сквозь призму расизма) биологические виды бьются насмерть за доступ к ним и возможность ими распоряжаться. Агроном Бакке, чья фамилия ассоциируется с приготовлением пищи (*backen* по-немецки – «выпекать», «готовить»), говоря о завоевании пространств и снабжении продовольствием, проявляет беспокойство, вполне понятное у немца, чья страна столкнулась с голодом во время Великой войны, но такое далекое от нас, привыкших в изобилии находить все, что нужно, на полках продуктовых магазинов, если только изменения климата не вернут этот вопрос в актуальную повестку. Его беспокойство, его идеи типичны для эпохи нацизма, но изложены языком, который применим и в нашем мире с его характерным социальным и экономическим укладом.

Занимая руководящий пост, Герберт Бакке интересуется вопросами организации труда и управления людьми (*Menschenführung*) в своей области, то есть тем, что мы назвали бы менеджментом. И далеко не он один. Некоторые нацисты, как мы увидим далее, превратят это в дело своей жизни и построят на этом карьеру уже после войны. В этом нет ничего удивительного. Германия обладала сложной развитой экономикой, где инженеры – консультанты по организации производства (как и во Франции, США, Великобритании и других странах Европы) задавались вопросами оптимизации кадровых ресурсов. История менеджмента начинается задолго до становления нацизма. Но в те двенадцать лет, что просуществовал Третий рейх, эта история получает продолжение и обогащается теоретическими наработками. Это важно для целей администрирования, но это также и закладывает основы теории и практики менеджмента на послевоенный период.

Пришедшее после 1945 года осознание того, что массовые убийства были целой *индустрией*, вызвало к жизни тяжелые, горькие размышления о капиталистическом строе и нашей современности. Социолог и мыслитель Зигмунт Бауман в своей широко известной книге «Современность и холокост» заставляет читателя задуматься над тем, что безусловный ужас нацистских преступлений – это, возможно, скорее примета современной, нежели архаической эпохи: определенные черты экономического и социального уклада и впечатляющая логистика сделали возможной (если не подготовили непосредственно) серию таких преступлений, которые невольно ассоциировались бы скорее с самой отсталой из варварских культур, чем с цивилизованностью и продуманностью сверхсовременного предприятия. Идеи Баумана или, если взять работы философов, например Джорджо Агамбена, который стремился встроить *концлагерь* в парадигму социального контроля, иерархизации и овеществления людей, характерную, по его мнению, для наших дней, несомненно, позволили историкам чувствовать себя более свободно в выражении своего интереса к проявлениям нацизма в современности, к путям, которыми этот феномен вписывается в нашу реальность и ее тенденции, оказываясь ее значимым признаком, симптомом. Преступления против человечности стали трактоваться некоторыми авторами, например Гёцем Али⁸, как форма реализации политических и экономических проектов, внедрявшихся технократами и – слово, все чаще встречающееся у историков, специализирующихся на этом периоде, – менеджерами, переселявшими огромные группы людей, морившими голодом обширные территории и эксплуатировавшими жизненные силы до

⁷ См. Gesine Gerhard, «Food and genocide. Nazi agrarian politics in the occupied territories of the Soviet Union», *Contemporary European History*, vol. 18, n° 1, février 2009, 1, p. 45–65.

⁸ См. Götz Aly, «*Endlösung*». *Völkerverschiebung und der Mord an den europäischenjuden*, Francfort, Fischer Verlag, 1995, 446 p.

полного истощения с поистине выдающимися отстраненностью и хладнокровием («благопристойностью», по выражению Гимmlера). Некоторые изученные нами исследования посвящены именно им: есть работы об Освальде Поле, начальнике Главного административно-хозяйственного управления СС⁹, о Гансе Камmlере¹⁰ – главе группы «Строительство» того же управления и с 1943 года ответственного за безопасность стратегических вооружений, производившихся империей концлагерей (в этом качестве он основал завод «Фау-2» при лагере Дора-Миттельбау), а также об Альберте Шпеере, о котором за последнее время вышло несколько биографических книг¹¹. Шпеер теперь более интересен не как архитектор или попустительствующий наблюдатель, а как масштабный организатор военной экономики (с 1942 года), специалист, приверженный идеям модернизации, сведущий управленец – в общем, верховный менеджер промышленности рейха.

С учетом этих работ стало возможно расценивать менеджмент и «управление» «человеческими ресурсами» как виды деятельности, содержащие в себе нечто преступное, как это настойчиво и не без таланта подчеркивалось авторами фильма «Человеческий фактор». Это низведение человека до статуса предмета, «материала», «ресурса» или «производственного показателя», его эксплуатация и даже уничтожение, его подчинение логике, в которой концентрационный лагерь – место уничтожения трудом (с 1939 года) и производства материальных благ – является элементом парадигмы.

Эту тему следовало бы развить и обсудить гораздо подробнее, но это сейчас не входит в наши задачи. Наша книга также не задумывалась и как обвинительная речь против менеджеров, менеджмента, руководителей кадровых служб и аудиторов консалтинговых компаний. Среди них есть ужасные люди, но много и тех, кто посвятил жизнь своему делу из гуманистических соображений и делает все возможное, чтобы облегчить страдания сотрудников, которыми управляет или которых консультирует. Некоторые среди них даже стали выдающимися специалистами в сфере социологии труда¹².

Проще говоря, речь идет о том, чтобы в эпоху, когда *management* занимает в людских умах не меньшее место, чем раньше занимал вопрос спасения души, когда «дирекции по персоналу» превратились в ДУЧР (департаменты «управления» человеческими «ресурсами»¹³), суметь одновременно взглянуть на ситуацию более отстраненно и более глобально: для чего, в каких обстоятельствах, для удовлетворения каких нужд нацисты рассуждали об организации труда, о распределении задач, о формировании структуры государственных учреждений и частных экономических предприятий? Какую идею менеджмента они культивировали? Какими представляли в их рассуждениях труд, индивид, государственные организации и само государство?

Эти вопросы интересны уже сами по себе, так как добавляют новые грани тезису о современности нацизма, о его встраивании в наше время и в реальность наших дней. Они становятся еще интереснее, если принять во внимание тот факт, что нацистская концепция менеджмента получила продолжение и продолжателей после 1945 года, как раз во время «немецкого эко-

⁹ Michael Allen, *The Business of Genocide. The SS, Slave Labor, and the Concentration Camps*, Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2002, 377 p., а также «Oswald Pohl, Chef der SS-Wirtschaftsunternehmen», in Ronald Smelser et Enrico Syring (dir.), *Die SS: Elite unter dem Totenkopf. 30 Lebensläufe*, Paderborn, Schöningh, 2000, p. 394–407.

¹⁰ Rainer Fröbe, «Hans Kammler, Technokrat der Vernichtung», *ibid.*, p. 305–319.

¹¹ См. Magnus Brechtken, *Albert Speer. Eine deutsche Karriere*, Munich, Siedler Verlag, 2017, и Martin Kitchen, *Speer. Hitler's Architect*, New Haven, Yale University Press, 2015, перевод на фр. язык: Martine Devillers-Argouarc'h, *Speer. L'architecte d'Hitler*, Paris, Perrin, 2017, 637 p.

¹² См. Marie-Anne Dujarier, *Le Management désincarné. Enquête sur les nouveaux cadres du travail*, Paris, La Découverte, 2015, 258 p.

¹³ «Ресурсы», пусть даже и «человеческие», можно тем или иным образом оценивать, учитывать – то есть действительно «управлять» ими. В слове «персонал», употреблявшемся ранее, все же немного яснее слышится оттенок смысла, связанный с «персоной», «личностью».

номического чуда», и что теоретиками (и успешными практиками), осуществившими столь же впечатляющую, сколь и прибыльную перестройку экономики, стали бывшие руководящие чины СС.

Наш подход не является ни эссенциалистским, ни генеалогическим: мы не пытаемся сказать, что истоки менеджмента следует искать в нацизме (это неверно, он на несколько десятилетий старше) или что менеджмент преступен по своей сути.

Мы просто предлагаем проанализировать случаи, имевшие место в жизни, опираясь на два тезиса, интересных для нашего представления о мире, где мы живем и трудимся: в Третьем рейхе молодые юристы, университетские ученые и руководители высшего звена уделяли много внимания вопросам менеджмента, потому что к нацистским предприятиям предъявлялись гигантские требования, связанные с мобилизацией ресурсов и организацией труда. Парадоксально, но они разработали неавторитарную концепцию управления персоналом, в рамках которой рабочие и служащие вели предлагаемый им образ жизни добровольно и оценивали свою деятельность положительно; они существовали в атмосфере определенной свободы и независимости, на первый взгляд несовместимых с дефицитом толерантности, характерным для Третьего рейха. Это была идея труда «с радостью» (*durch Freude*), распространившаяся после 1945 года и хорошо знакомая нам сегодня, в эпоху, когда «принятие на себя обязательств», «мотивация» и «вовлеченность», по-видимому, вытекают из «удовольствия» трудиться и из «заботы о благополучии» организации.

На исполнителя, уверенного в том, что он располагает свободой в выборе средств, но лишенного возможности участвовать в разработке и постановке задач, ложилась тем большая ответственность (а значит, в некотором роде и вина) в случае провала миссии.

Но не будем забегать вперед. Рассмотрим шаг за шагом, как юристы и управленцы набирались опыта. Первый вопрос, который очень остро стоял перед ними, – это как управлять рейхом в условиях постоянной экспансии, задействуя мало (и даже «все меньше») средств и людей.

Глава первая. Концепция администрации великого рейха

Наступили «исторические» времена. Дискурс нацистов обнаруживает явную склонность к подобным преувеличениям, к бахвальству. Все – если судить по текстам и речам, по картинам и фильмам – теперь стало «историческим», «исключительным» (*einmalig*), «грандиозным», «решающим» (*entscheidend*) и так далее. Для определенной категории активных сторонников режима, его представителей, чиновников (высокого ранга) это действительно так. Более того: они полны энтузиазма, так как для военных, управленцев и политиков режима «национального возрождения» открываются новые перспективы в том, что касается карьеры, заработка и интересных профессиональных задач. Например, Эрвин Роммель, который, как и многие, никогда не состоял в партии, в возрасте 42 лет (то есть к 1933 году) был всего лишь командиром батальона, а в 1942-м благодаря гитлеровским войнам уже получил звание маршала. Конечно же, он был этим обязан своей деятельностью, своим успехам в командовании бронетанковыми войсками, но, безусловно, и тому факту, что армия, численность которой за несколько лет возросла более чем в пятьдесят раз, остро нуждалась в кадрах. Нацистский гимн «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир» – это гимн подобных людей: он значим прежде всего для этих «кадров», хорошо образованных и жаждущих поощрений, военных и гражданских.

Юрист Вальдемар Эрнст в 1943 году с юмором укажет на этот факт в одном отнюдь не юмористическом журнале, посвященном вопросам геополитики и управления, сравнивая чиновника английского и немецкого. Если раньше первый из них путешествовал по всему миру благодаря открываемым Британской империей вакансиям, последний расценивал как захватывающее приключение уже переезд из Верхнего Рейна в Шварцвальд. Отныне немецкому чиновнику станет доступной служба повсюду – от норвежского Киркенеса до французского Бордо, от Риги до Крита¹⁴. Это «почти невероятно!»¹⁵. Какая удача – жить в столь удивительную эпоху!

Гражданские элиты были хорошо образованны: Веймарская республика щедро выделяла средства на нужды университетов и студентов. Она содействовала развитию высшего образования как никакой другой режим в Германии. Но ее дипломированные специалисты и обладатели научных степеней после 1929 года столкнулись с «радостной» перспективой безработицы, вызванной экономическим и социальным кризисом. Единственными, кто пообещал им выход из этой ситуации, стали нацисты, которые боролись за их внимание и охотно нанимали на работу – прежде всего в ряды СС. Таким образом, эти молодые люди занимали самые высокие посты в партии (хотя им и пришлось побороться за это с «плебеями» – членами СА), а затем, с 1933 года, – и в государственных структурах Германии. Это происходило еще до появления идеи о господстве над Европой, отправной точкой для которой стало нападение на Польшу в 1939-м.

Среди подобных «кадров» выделялась группа особенно блестящих университетских ученых и высокопоставленных чиновников, которая занималась амбициозными теоретическими изысканиями, публикуясь, в частности, на страницах журнала *Reich, Volksordnung, Lebensraum* («Империя, расовый порядок, жизненное пространство»), который они же совместно и издавали с 1941 по 1943 год на базе Института исследований государства (*Institut für Staatsforschung*) при Берлинском университете. Институт находился в ведении СС, и руководил им молодой

¹⁴ Waldemar Ernst, «Erlebnis und Gestaltung deutscher Grossraumverwaltung», *Reich, Volksordnung, Lebensraum. Zeitschrift für völkische Verfassung und Verwaltung*, vol. V, 1943, pp. 269–285, p. 269.

¹⁵ Waldemar Ernst, «Erlebnis und Gestaltung deutscher Grossraumverwaltung», *Reich, Volksordnung, Lebensraum. Zeitschrift für völkische Verfassung und Verwaltung*, vol. V, 1943, pp. 269–285, p. 270.

профессор Рейнхард Хён, занимающий один из высших постов в СД (Службе безопасности СС). Таким образом, журнал, родившийся вместе с Великой империей, чтобы исчезнуть в момент, когда над ней нависла серьезная, если не неотвратимая угроза краха, вносит вклад в формирование государственного аппарата для нужд будущего. Требования к администрации, отвечающей запросам Великого имперского пространства, в журнальных статьях строятся от самых общих моментов к самым узким, вдаваясь даже в такие подробности, как, например, это воодушевляющее, но не слишком увлекательное рассуждение о «ведении личных дел для целей планирования в управлении»¹⁶.

Самый старший из «кадров» и издателей журнала, о котором мы говорили, совсем молод. Вильгельм Штуккарт родился в 1902 году. В 1933-м, когда его партия пришла к власти, ему едва минуло тридцать. Юрист, доктор права, защитивший диссертацию о торговых реестрах, он был советником НСДАП (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei – Национал-социалистической немецкой рабочей партии), к которой принадлежал с 1922 года, и адвокатом СА – вместе с другими, которые, как Ганс Франк, Лютгебрун или Роланд Фрейслер, входили в команду защитников – «штурмовиков», обвиняемых в насилии по политическим мотивам. После прихода к власти Гитлера он поднялся на очень значительную высоту в государственных структурах: директор Министерства образования, а затем и государственный секретарь в этом ведомстве в 1933 году, в 1935-м он занял тот же пост в Министерстве внутренних дел рейха. Этот высокопрофессиональный специалист и преданный сторонник нацизма будет отвечать за подготовку двух чрезвычайно важных законопроектов: «Закона о восстановлении государственного аппарата Германии» (принятого в апреле 1933 года и закрывавшего доступ к государственным должностям политическим врагам режима и евреям), а также так называемых Нюрнбергских законов от сентября 1935 года, дающих новую трактовку понятию немецкого гражданства, согласно которым евреи не могли быть гражданами рейха и вступать в сексуальные контакты с неевреями. Этот специалист по арийству и арианизации комментирует текст законов совместно со своим коллегой Гансом Глобке, будущим ближайшим соратником канцлера Аденауэра, добиваясь принятия самых жестких формулировок этого текста. Его интересовали также вопросы экспансии рейха: в 1938 году он составил проект документа, узаконивающего аншлюс Австрии, а затем, с весны до осени 1939-го, – и нормативных актов, определяющих статус Богемии и Моравии, а также Польши. Ярый приверженец нацизма и антисемитизма, он, таким образом, выступает убежденным аннексионистом, представляя собой архетип чиновника высокого уровня и деятельного интеллектуала от нацистского режима.

Именно в качестве управленца и мыслителя, занятого вопросами «большого пространства» (*Grossraum*), завоеванного немецкой армией, Штуккарт много и увлеченно рассуждал о нарождающейся администрации рейха. Времена, безусловно, наступили исторические, и перспективы открываются воодушевляющие, но сколько еще проблем ждет впереди!

Самого срочного решения требует проблема человеческих ресурсов (*Menschenmaterial*). Увеличение площадей территорий под немецким суверенитетом приведет к образованию «огромной империи» (*Riesenreich*), которой нужно будет управлять с помощью не растущего, а уменьшающегося количества кадров, так как все больше и больше чиновников будут призываться в армию. Штуккарт с тревогой говорит об этом в одной из статей сборника к сорокалетию Генриха Гиммлера, составленного в 1941 году, в момент грандиозной эйфории, связанной с победами на востоке¹⁷. Поэтому необходимы срочные реформы государственного аппарата страны – не только с прицелом на военное время, но и на грядущие века мирного существова-

¹⁶ Gerhard Rolfs, «Erfassung der Unterlagen für eine planmässige Verwaltungsführung», *ibid*, pp. 285–295. (Все переводы выполнены автором.)

¹⁷ Wilhelm Stuckart, «Zentralgewalt, Dezentralisation und Verwaltungseinheit», in Wilhelm Stuckart, Werner Best *et alii*, *Festgabe für Heinrich Himmler*, Darmstadt, Wittich, 1941, 292 p., pp. 1–32, p. 2 для предыдущей цитаты.

ния¹⁸ немецкой колониальной империи, которая возникнет на руинах СССР, чье поражение и расчленение не вызывают сомнений. Как делать *больше*, задействуя *меньше* людей? Да просто нужно делать *лучше*, и подобные улучшения не предполагают ожидания действий от центральных властей или поиска средств. Задача «делать лучше с меньшим количеством ресурсов» ставится перед немецкими управленцами на местах, которым надлежит изменить (при необходимости радикально) методы своей работы, чтобы достойно отвечать на вызовы сегодняшнего и завтрашнего дня. Длинный текст Штуккарта, несмотря на перегруженность, довольно туманный. В нем нет сносок внизу страниц, он не носит научного характера, не излагает фактов – только предписания. Это набор утверждений и требований в духе «должно быть так» или «нужно сделать эдак». В своей манере Штуккарт усиленно продвигает принципы «гибкости, труда с радостью, близости к жизни и витальности»¹⁹, взывая к «творческой инициативе»²⁰ чиновников, полностью посвящающих себя решению своих задач и выполнению миссий: каждый чиновник должен располагать «обширным пространством для реализации личных полномочий, выполнения долга, проявления личной инициативы»; у него должна быть способность «развернуться» в новом немецком пространстве, выполняя работу, связанную с его освоением. А для этого, при условии, что центральная власть остается сильной²¹, в *Führerstaat*, где импульс передается по вертикали и все подчинено воле *фюрера*, нужно организовать работу настолько децентрализованным способом, насколько это возможно: «Духу и самосознанию немецкого народа соответствует», чтобы «все, что не необходимо сохранять в ведении центральной власти, <...> делалось как можно более децентрализованным путем»²²

¹⁸ Wilhelm Stuckart, «Zentralgewalt, Dezentralisation und Verwaltungseinheit», in Wilhelm Stuckart, Werner Best *et alii*, *Festgabe für Heinrich Himmler*, Darmstadt, Wittich, 1941, 292 p., p. 1

¹⁹ Wilhelm Stuckart, «Zentralgewalt, Dezentralisation und Verwaltungseinheit», in Wilhelm Stuckart, Werner Best *et alii*, *Festgabe für Heinrich Himmler*, Darmstadt, Wittich, 1941, 292 p., p. 5

²⁰ Wilhelm Stuckart, «Zentralgewalt, Dezentralisation und Verwaltungseinheit», in Wilhelm Stuckart, Werner Best *et alii*, *Festgabe für Heinrich Himmler*, Darmstadt, Wittich, 1941, 292 p., p. 7, 31

²¹ Wilhelm Stuckart, «Zentralgewalt, Dezentralisation und Verwaltungseinheit», in Wilhelm Stuckart, Werner Best *et alii*, *Festgabe für Heinrich Himmler*, Darmstadt, Wittich, 1941, 292 p., p. 4

²² Wilhelm Stuckart, «Zentralgewalt, Dezentralisation und Verwaltungseinheit», in Wilhelm Stuckart, Werner Best *et alii*, *Festgabe für Heinrich Himmler*, Darmstadt, Wittich, 1941, 292 p., p. 4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.